

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2026.3.51.7

УДК 316.34 | ББК 60.54

© Воробьева И.Н.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ КАПИТАЛ МОЛОДЕЖИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ВОРОБЬЕВА

Череповецкий государственный университет

Череповец, Российская Федерация

e-mail: invorobeva@chsu.ru

ORCID: [0000-0001-5970-051X](https://orcid.org/0000-0001-5970-051X); ResearcherID: [AAX-4496-2021](https://orcid.org/AAX-4496-2021)

В национальных целях развития Российской Федерации заявлена задача по реализации потенциала каждого человека и воспитанию патриотической и социально ответственной личности. Развитость у населения качеств социальной ответственности, инициативности, активности и вовлеченность в практики участия рассматриваются как значимый нематериальный актив развития территорий. В статье предлагается новая категория «деятельностный капитал» – интегративный конструкт, объединяющий индивидуально-личностные (инициативность, locus ответственности, коммуникабельность) и социально ориентированные (социальная ответственность, солидарность, альтруизм) диспозиции, а также практики формального и неформального участия. Теоретической основой категории выступает ресурсный подход (П. Бурдье, В.В. Радаев, В.А. Ядов, Т.И. Заславская, Н.Е. Тихонова), дополненный концепцией идентичности как медиатора между индивидуальной инициативой и общественным эффектом. Эмпирическую базу исследования составили данные опроса учащихся 9–11 классов Вологодской области, проведенного в октябре 2023 года. Всего было опрошено 1925 школьников Вологды, Череповца и одиннадцати малых городов и районных центров Вологодской области. С применением кластерного анализа выделено четыре типологические группы деятельностного капитала, различающиеся по уровню участия и соотношению индивидуально-личностных и социально ориентированных качеств. Устойчивость типологии подтверждена на независимой взрослой выборке (N = 1800). Показано, что деятельностный капитал выполняет дифференцирующую функцию, обеспечивая носителям преимущества в образовательной среде, и реципрочно связан с территориальной идентичностью. На основе качественных интервью раскрыты механизмы конвертации деятельностного капитала в человеческий, социальный и символический. Территориальная идентичность выступает медиатором, превращающим индивидуальную инициативу в общественно значимое участие.

Деятельностный капитал, нематериальный капитал, социальная ответственность, социальная солидарность, социальное участие, территориальная идентичность.

Введение

В России активно формируется сеть институтов гражданского общества, предоставляющая платформы и механизмы для выражения мнений, позиций, выдвижения инициатив и защиты интересов, что создает условия для формирования активной и социально ответственной личности. Высокий запрос на социальную активность и ответственность отражен в стратегии развития страны. Одной из центральных национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года (Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309) стала цель «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности».

Для реализации данного запроса требуется понятийный аппарат, позволяющий измерять, сравнивать и анализировать феномены не только социального участия, но и взаимосвязанных с ним категорий социальной ответственности, социальной солидарности, диспозиционных установок личности.

В современной социологии сохраняется методологический разрыв между микротеориями и макротеориями при анализе социальной активности. Микротеории сводят социальное участие к индивидуальным мотивам и психологическим позициям, не объясняя, как эти качества транслируются в общественные эффекты. Макротеории рассматривают активность населения как агрегированный показатель развития территорий, игнорируя агентность индивида и конкретные механизмы его включения в социальные практики.

Существующие концепции, такие как человеческий капитал (навыки, компетенции), социальный капитал (сети, доверие), психологический капитал (самоэффективность, оптимизм), личностный потенциал, описывают отдельные срезы активности, но не интегрируют в одной модели индивидуально-личностные (инициативность, локус контроля) и социально ориентированные (социальная ответственность, солидарность)

качества активности и реальные практики участия. Эмпирические исследования изучают либо установки, либо поведение, не фиксируя их взаимосвязь и взаимную конвертацию.

Таким образом, исследовательская задача заключается в концептуализации и операционализации единого конструкта «деятельностный капитал», который бы объединял перечисленные компоненты, и в формировании эмпирической индикаторной модели его измерения. Практически значимая задача состоит в апробации этой модели на конкретной выборке (школьники Вологодской области), определении уровней и типологических групп деятельностного капитала, а также верификации устойчивости типологии на взрослом населении.

Теоретическая рамка исследования

Концепция деятельностного капитала предлагает теорию среднего уровня, которая преодолевает разрыв между микро- и макроподходами, фокусируясь на локальных структурах (школа, городское сообщество) как площадках, где наиболее ярко видна конвертация индивидуальных диспозиций в общественные эффекты. При этом эффекты имеют выход на макроуровень через формирование гражданской и территориальной идентичности, что позволяет рассматривать деятельностный капитал как значимый нематериальный актив развития территорий.

Концепция деятельностного капитала строится на двух взаимодополняющих теоретических основаниях: деятельностно-активистской парадигме и ресурсном подходе. В соответствии с деятельностным подходом, «решающим „движителем“ социальных изменений выступают социальные субъекты как легитимированные или нелегитимированные лидеры, коллективные движения, гражданские сообщества и ... простые граждане» (Ядов, 2001, с. 312). Т.И. Заславская сущность деятельностного подхода раскрывает через категории человеческого и деятельностного потенциалов. Человеческий потенциал – «готовность и способность национальной общности к ак-

тивному саморазвитию, своевременному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами». Деятельностный потенциал выражается в уровне деловых качеств социальных акторов, их энергии, предприимчивости, инициативности, проявляется в соотношении инновационных / традиционных форм мышления, активности, объективных возможностях реализовывать свои творческие потенциалы (Заславская, 2005, с. 10). Развивая идеи Т.И. Заславской, мы предлагаем операционализировать деятельностный потенциал на уровне локальных сообществ, что позволяет сделать его эмпирически измеримым через конкретные индикаторы (диспозиции, практики, идентичность). При этом мы сохраняем ключевое положение Т.И. Заславской о том, что деятельностный потенциал значим не сам по себе, а как ресурс развития территории. В рамках нашего подхода этот ресурс рассматривается не только как характеристика общества в целом, но и как актив, который накапливается и конвертируется на уровне индивидов и локальных групп, что соответствует логике капитала (Радаев, 2002; Тихонова, 2006).

Ресурсный подход заложен в работах П. Бурдье (Бурдье, 2004), Р. Патнема (Putnam, 1995), Дж. Коулмана (Coleman, 1988), Э. Гидденса (Гидденс, 2005). Среди отечественных авторов наиболее последовательно он отражен в трудах В.А. Ядова (Ядов, 2001), Т.И. Заславской (Заславская, 2004), В.В. Радаева (Радаев, 2002), Н.Е. Тихоновой (Тихонова, 2006). Ресурсный подход дает нам понятийный аппарат для анализа нематериальных активов. В.В. Радаев определяет капитал как «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм»; приводит базовое преимущество использования ресурсного подхода в социальных процессах: расширяется его смысл, капитал может принимать не только овеществленные, но и инкорпорированные формы, воплощаться в людях и отношениях между людьми, капиталы могут быть кон-

вертированы друг из друга, а широкие возможности их конвертации ставят человека в ситуацию выбора – во что вкладывать время и силы. Капитал подчиняется логике самовозрастания: чем больше капитал данного вида, тем легче его поддерживать и накапливать (Радаев, 2002).

Н.Е. Тихонова приводит принципиальное отличие ресурса и капитала: не всякий ресурс может выступать как актив, ресурс – это ресурсный потенциал. Для превращения его в актив необходимо соблюдение следующих условий: востребованность и определенный объем данного ресурса, при котором обладание им начинает давать экономический эффект. Выступающий в качестве актива ресурс уже может рассматриваться как капитал, тогда он не только накапливается, конвертируется в денежную форму и воспроизводится, но и приносит добавочную стоимость. Соответственно, в ходе эмпирических исследований необходимо измерять не только ресурсообеспеченность индивидов, но и определять использование их как активов, конвертируемость, приобретение ими «прибавочной стоимости» (Тихонова, 2006).

Принципиальное значение для концептуализации деятельностного капитала имеет его разграничение с социальным капиталом. Если социальный капитал в классическом понимании – это совокупность связей, сетей, норм взаимности и доверия, то деятельностный капитал – это совокупность личностных качеств и поведенческих практик, направленных на преобразование среды. Принципиальное отличие заключается в характере прибавочной стоимости. Социальный капитал работает преимущественно на индивида (снижение транзакционных издержек, доступ к информации, карьерные преимущества). Деятельностный капитал, напротив, производит эффект, направленный вовне – на общество, территорию, локальное сообщество. При этом они находятся в состоянии взаимной конвертации. Социальный капитал может быть ресурсом для деятельностного (через связи человек вовлекается в участие), а деятель-

ностный капитал, в свою очередь, производит социальный капитал (через совместные действия формируются новые связи и доверие).

Идентичность выступает медиатором между индивидуальными диспозициями и общественными эффектами. Анализ теоретических подходов показывает, что социальная ответственность и социальная солидарность тесно связаны с социальной идентичностью, как с гражданской (Дробижева, 2017; Виттенберг, 2017), так и с территориальной (Кармадонов, 2015; Дьякова, 2021; Одинцов, 2020; Лебедева, 2019). Л.М. Дробижева определяет гражданскую идентичность как «отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране – «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране» (Дробижева, 2017, с. 8–9). В.В. Дьякова доказывает прямую связь между степенью солидарности местного населения и региональной идентичности (Дьякова, 2021). Территориальная идентичность выступает тем «социальным клеем», который не только объединяет людей для совместных действий, но и придает этим действиям глубинный смысл, связывая их с чувством принадлежности к определенному месту. Именно территориальная идентичность актуализирует социально ориентированные качества, превращая абстрактные ценности солидарности и ответственности в конкретные мотивы участия. Таким образом, идентичность выступает не фоновым фактором, а структурообразующим элементом деятельностного капитала, определяющим не только его уровень, но и направленность. Высокая инициатива без территориальной идентичности остается инструментальной (карьерной) активностью, только сочетание высокой инициативы и высокой территориальной идентичности ведет к высокому уровню деятельностного капитала и ответственности за город.

Медиаторный эффект идентичности реализуется через четыре взаимосвязанных

механизма. Во-первых, идентичность выполняет интегративную функцию, связывая индивидуально-личностные ресурсы (инициативность, локус контроля) с социально ориентированными качествами (ответственность, солидарность) и превращая их из разрозненных качеств в единую систему, направленную на социальное действие. Во-вторых, идентичность актуализирует мотивационную функцию: запускает идеалистические мотивы (чувство долга, ответственность) и мотивы социального взаимодействия, обеспечивая устойчивость и долговременность участия. В-третьих, идентичность выполняет конвертационную функцию, опосредуя переход деятельностного капитала из инкорпорированного состояния (установки) в объективированное (практики) и институализированное (устойчивые структуры). В-четвертых, идентичность обеспечивает функцию самовозрастания: участие укрепляет идентичность, а укрепленная идентичность стимулирует новое, более интенсивное участие, создавая положительную обратную связь.

Деятельностный капитал – это накапливаемый нематериальный актив, который интегрирует способность и готовность индивида или группы к преобразованию среды через единство диспозиций (индивидуально-личностных и социально ориентированных) и реальных практик общественно значимого участия. Его ключевая функция – опосредовать переход от индивидуальной инициативы к коллективным эффектам через механизм идентичности, производя при этом двойной результат: приращение человеческого и социального капитала самого субъекта и укрепление территориальной/гражданской идентичности как общественного блага. Отличительной чертой деятельностного капитала является то, что он дает выгоду как для его держателя, так и для общества, при этом выгода для общества является более значимой.

В соответствии с подходом П. Бурдье мы выделяем три состояния капитала: инкорпорированное (устойчивые диспозиции и способности), объективированное (реаль-

ные практики и их материальные результаты) и институализированное (закрепление в формальных структурах).

В инкорпорированном виде деятельностный капитал представляет собой качества, установки к активности личности/населения, направленные на общественно значимый результат. Теоретической основой для выделения индивидуально-личностных качеств послужили концепции психологического капитала (Luthans et al., 2004), социально-психологического капитала личности (Татарко, 2014), некогнитивных навыков (Heckman et al., 2006), человеческого и деятельностного потенциала¹ (Римашевская, 2001; Заславская, 2005; Иванов, 2014; Леонтьев, 2023), социальных ресурсов² (Ядов, 2001; Мозговая, Шлыкова, 2016) и креативного класса (Флорида, 2011; Волков, 2010). На основе их синтеза выделены пять ключевых индивидуально-личностных качеств: внутренний локус контроля (способность приписывать результаты своим усилиям, а не внешним обстоятельствам; лежит в основе субъектности и ответственности); инициативность (ядро деятельностного потенциала, предприимчивость и энергия, позволяющие действовать без внешнего импульса); креативность (открытость новому опыту и способность к нестандартным решениям); адаптивность (способность гибко реагировать на социальные изменения, сохраняя субъектность, толерантность к неопределенности); коммуникабельность (ключевой некогнитивный навык, обеспечивающий социальную вовлеченность и коллективные действия). Данные качества образуют систему от субъектной позиции через инициативу и креативность к устойчивости в меняющейся среде и коллективному взаимодействию.

Социально ориентированные качества задают направленность деятельностного капитала, превращая индивидуальный потенциал в общественно значимое действие. Социальная ответственность понимается как ценностная ориентация, мотивирующая

к гражданским действиям на основе эмпатии и моральных принципов заботы (Wray-Lake, Syvertsen, 2011); в российских исследованиях она рассматривается как фактор социальной устойчивости и зрелости гражданского общества (Виттенберг, 2017), а также как связующее звено между восприятием проблем и стремлением к их решению (Бронзино, Осипова, 2014). Социальная солидарность представляет собой готовность к объединению усилий для достижения общественно значимых целей, ценностный консенсус и практики совместного действия (Бродковская, 2024); она выступает основой коллективных действий и интеграции локальных сообществ (Тишков, 2013; Гофман, 2013). Мотивационной основой обоих качеств выступает альтруизм, бескорыстное побуждение действовать во благо другого или общества (Якимова, 2012). Однако в современном обществе альтруистические мотивы могут сочетаться с эгоистическими мотивами самореализации, создавая работоспособную комбинацию индивидуальных и коллективных интересов (Park et al., 2011). Таким образом, социально ориентированные качества делают переход от индивидуально-личностных качеств к практикам, структурируя деятельностный капитал как ресурс не только личности, но и сообщества.

В объективированном виде деятельностный капитал проявляется в поведенческих практиках, направленных на общественно значимый результат. В современной западной науке социальное участие трактуется как механизм установления связей, укрепляющих чувство принадлежности и благополучие (Newton, Giebler, 2008; Bartal et al., 2019), при этом акцент сместился с формального членства в организациях к изучению сетей, идентичности и локальных сообществ. В российской традиции наибольшее распространение получил подход И.А. Скалабан, определяющий социальное участие как «коллективную деятельность людей, горизонтальную активность, направленную на удовлетво-

¹ Быченко Д.Ю. (2012). Саморазвитие деятельностного человеческого потенциала в условиях модернизации России: автореф. Саратов.

² Дятлов А.В. (2005). Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. Ростов-на-Дону.

рение общественного интереса» (Скалабан, 2011, с. 137). Исследования молодежной активности акцентируют мотивацию и уровень участия как наиболее перспективной группы (Кисиленко, 2018; Мартынова и др., 2019; Шуклина, Певная, 2020; Зерчанинова и др., 2021). Выделяются три формы активности: формальное участие (членство в организациях), имеющее более сильную связь с формированием идентичности; неформальное участие (волонтерство, благотворительность, благоустройство, культурные и патриотические акции); и помогающее поведение – помощь советом, деньгами, вещами, уход за больными и престарелыми. Эта помощь чаще ориентирована на ближний круг, не требует совместных усилий и может быть индивидуальной. Неформальная помощь дает эффект поддержки, особенно в старших возрастах, предотвращая когнитивные изменения (Vogelsang, 2016; Chanda, Mishra, 2019; Levasseur et al., 2020). Результаты объективированного капитала могут иметь материальное воплощение: отремонтированная площадка, обустроенный двор, собранные средства, организованные мероприятия. В отличие от инкорпорированного состояния здесь фиксируется не готовность действовать, а факт действия и его продукт.

Институализированное состояние деятельностного капитала наступает тогда, когда разрозненные, эпизодические практики участия закрепляются в виде устойчивых, самовоспроизводящихся алгоритмов – формальных правил, организационных структур, регулярных процедур. На этом уровне деятельностный капитал перестает зависеть от отдельных индивидов и приобретает надличностный характер (например, регулярно действующий волонтерский центр, ежегодная благотворительная акция, закрепленный в уставе школы орган самоуправления).

Мотивация социального участия занимает центральное место в процессе формирования деятельностного капитала, выступая тем самым механизмом конвертации, который связывает воедино инкорпорированные ресурсы (индивидуально-личностные и социально ориентированные качества) и

объективированные практики социального участия. На основании анализа мотивации социального участия мы выделяем пять интегральных групп мотивов: личностного развития, социального взаимодействия, идеалистические, процессные и выгоды (Азарова, Яницкий, 2008; Соколова, 2008; Anheier, Salamon, 2001). Эмпирически доказано, что прагматические мотивы преобладают: получение практического опыта и обретение новых друзей становятся ключевыми драйверами участия. Важное различие зафиксировано между формальным и неформальным участием. Мотивация формального участия (членство в организациях) чаще связана с саморазвитием, получением опыта и знаний, коммуникацией, тогда как неформальные практики базируются на мотивации социальных изменений – помощи людям или изменению окружающей среды (Воробьева, 2023а).

Деятельностный капитал обладает свойствами, подтверждающими его статус самостоятельной формы капитала: ограниченностью (неравномерное распределение внутри групп); ликвидностью (измерим через альтернативную оценку затрат труда, особенно в волонтерстве и благоустройстве); конвертируемостью в человеческий, социальный, символический капиталы, а также самовозрастанием и реципрокной связью с идентичностью. Эффект деятельностного капитала не сводится к материальным результатам участия (объем выполненных работ, собранные средства, благоустроенные объекты). Его ключевая ценность заключается в конвертации в другие формы нематериальных активов. Вовлеченность в общественно значимые практики развивает профессиональные и управленческие компетенции, коммуникативные и организационные навыки, тем самым приращивая человеческий капитал. Совместная деятельность ради общего блага укрепляет социальную солидарность, формализуясь в членстве в организациях и неформальных связях, что означает рост социального капитала. Преобразование территориального пространства через соучаствующее управление и благоустройство

создает символический капитал места, его позитивный образ, репутацию и узнаваемость. В свою очередь символический капитал усиливает эмоциональную привязанность к территории, формируя территориальную идентичность. Важно подчеркнуть, что в процессе формирования деятельностного капитала возрастает он сам, как за счет внутреннего развития установок к активности, так и через вклад в другие капиталы, которые затем возвращаются в его инкорпорированную основу, укрепляя готовность населения к дальнейшему участию.

Предложенная теоретическая рамка соединяет сущность деятельностного подхода (индивиды – движущая сила изменений), понятийный аппарат ресурсного подхода; осуществляет разграничение с социальным капиталом; использование идентичности как связующего звена. Такая конфигурация позволяет рассматривать деятельностный капитал как теорию среднего уровня, эмпирически верифицируемую через измерение диспозиций, практик, идентичностей и эффектов для локальных сообществ и территории.

Цель исследования заключается в выявлении уровня деятельностного капитала школьников Вологодской области, выделении основных типологических групп, определении взаимообусловленности индивидуально ориентированных и социально ориентированных качеств уровнем вовлеченности в практики, направленные на общественно значимый результат. Обусловленность изучения деятельностного капитала в школьном возрасте объясняется необходимостью его формирования с раннего возраста в процессе социализации. Именно в школьном возрасте закладываются ценности активизма, социальной ответственности и солидарности, реализуются первые практики участия. Опыт гражданской активности в подростковом возрасте влияет на гражданскую активность во взрослой жизни (Филоненко и др, 2019).

Материалы и методы исследования

В работе была применена авторская методика измерения деятельностного капита-

ла, исследование и методика изучения структурных элементов которого частично отражена в прошлых публикациях (Воробьева, Мехова, 2022). Уровень деятельностного капитала измеряется на основании аддитивной модели, в которую входят два ключевых блока: качества социальной активности и вовлеченность в практики, направленные на общественно значимый результат. Индивидуально-личностные качества включают инициативность, коммуникабельность, локус ответственности, склонность к самообразованию, адаптацию к социальным изменениям и измеряются по ответам на вопрос «Насколько Вы согласны с суждениями <...>? («для меня характерно выдвигать большое количество идей»; «я предпочитаю быть лидером, проявлять инициативу, чем быть подчиненным»; «я постоянно стараюсь повышать свое образование, развиваться»; «я стараюсь иметь широкий круг общения в повседневной жизни, на работе/учебе», «мне очень часто приходится брать ответственность за решение сложных проблем и дел в коллективе, в семье, в окружении на себя» и т. п.). Социально ориентированные качества измеряются вопросами «Чувствуете ли Вы ответственность за происходящее в доме / во дворе / в классе / школе / населенном пункте?» и «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы <...> обустроить территорию проживания (дом, двор, город) / помогать бедным, инвалидам / для участия в благотворительной и общественно-полезной деятельности?», «Насколько Вы согласны с суждением «мне нравится приносить пользу людям»?». В аддитивной модели применяется индексный метод. По всем вопросам данного блока используется порядковая шкала, ответам респондентов присваиваются следующие шкальные значения: «да» – 5; «скорее да» – 4; «затрудняюсь ответить» – 3; «скорее нет» – 2; «нет» – 1. Для каждого респондента рассчитываются частные индексы по каждому вопросу; общий индекс по блоку рассчитывается как среднее от частных индексов. Методика показала высокий уровень согласованности итогового индекса качеств социальной активности. Согласованность и

надежность шкалы доказывает высокий уровень показателя Альфа Кронбаха 0,817 при пороговом значении 0,7.

Вовлеченность в практики, направленные на общественно значимый результат, измеряется при ответе на вопросы: «Участвуете ли Вы в деятельности общественных организаций?», «В каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?», «Что из перечисленного Вам приходилось безвозмездно делать для других людей за последний год?». Каждый вопрос сопровождается перечнем практик. Для приведения индекса практик к сопоставимому с индексом установок виду была использована линейная регрессия, в которой зависимой переменной выступило количество практик, а независимой – индекс установок. Полученное уравнение регрессии (количество практик = $-1,866 + 2,375 \cdot \text{индекс установок}$) позволяет предсказать ожидаемое количество практик для каждого уровня установок. Данная процедура не предполагает доказательства причинно-следственной связи, а служит исключительно инструментом нормирования шкал для последующего агрегирования. На основе регрессионного анализа были определены следующие диапазоны: индекс «1», если 0–1 практика участия; индекс «2» – 2–3 практики; индекс «3» – 4–6 практик; индекс «4» – 7–9 практик; индекс «5» – 10–15 практик. Данная процедура обеспечивает содержательную и статистическую сопоставимость двух шкал перед их интегрированием в общий индекс.

Концептуальной основой объединения двух блоков (установок и поведения) в интегральный индекс деятельностного капитала выступает положение о том, что сформированность индивидуально-личностных и социально ориентированных установок создает предпосылки для реализации качеств участия. Интегральный индекс деятельностного капитала, рассчитанный как среднее двух частных индексов, имеет распределение, близкое к нормальному (критерий Колмогорова – Смирнова с поправкой Лиллиефорса: $p = 0,056$). Это позволило

разбить респондентов на пять уровней, где границы задаются как кратные стандартному отклонению от среднего. Расчет был основан на среднем арифметическом (2,68) и стандартном отклонении (0,52). Границы уровней определялись как отклонения от среднего: значения ниже $M - 1,5\sigma$ были отнесены к очень низкому уровню (от 1 до 1,9); от $M - 1,5\sigma$ до $M - 0,5\sigma$ – к низкому (от 1,9 до 2,42); от $M - 0,5\sigma$ до $M + 0,5\sigma$ – к среднему (от 2,42 до 2,94); от $M + 0,5\sigma$ до $M + 1,5\sigma$ – к высокому (от 2,94 до 3,46); выше $M + 1,5\sigma$ – к очень высокому (от 3,46 и выше).

Для определения механизмов конвертации диспозиционных установок в поведенческие практик в структуру деятельностного капитала был введен мотивационный компонент. Респондентам предлагался вопрос о причинах участия в общественных делах с множественным выбором.

Для выявления уровня территориальной идентичности была разработана авторская методика измерения. В нее вошли три базовых вопроса: «Вы довольны проживанием в городе?», «Порекомендовали бы Вы своим знакомым из другого города переехать жить в свой город?», «Вы бы хотели, чтобы Ваши дети, внуки остались жить в вашем городе?» (для школьников вопрос «Собираетесь ли Вы после получения образования работать в своем городе?»). Для определения уровня территориальной идентичности каждого респондента рассчитывался общий индекс по трем частным индексам по каждому из вопросов. На основании интегрального индекса все респонденты были разбиты на пять групп, где границы задаются как кратные стандартному отклонению от среднего. Методика показала свою согласованность, коэффициент Альфа Кронбаха составил для массива взрослого населения 0,84, для массива школьников 0,75.

Эмпирической базой исследования стали результаты социологического исследования по теме «Образовательные и карьерные стратегии учащихся Вологодской области: факторы выбора», проведенного в Вологодской области в октябре – ноябре 2023 года кафедрой социологии и социаль-

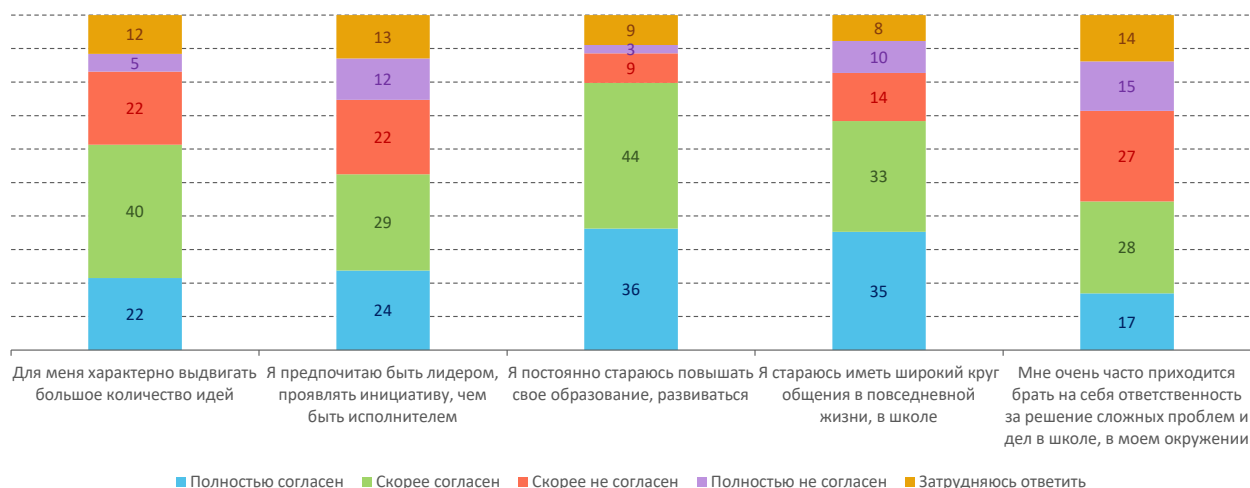

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы согласны с суждением...?», %

ных технологий Череповецкого государственного университета. Всего опрошено по кластерной выборке 600 учащихся школ г. Череповца, 425 учащихся школ г. Вологды, 900 учащихся школ районных центров и малых городов Вологодской области. Для того чтобы выяснить важные аспекты интересующей нас проблемы, в ходе исследования с ноября по декабрь 2024 года дополнительно было проведено шесть полуструктурированных интервью с молодыми волонтерами и восемь интервью с представителями образовательных учреждений (заместители по воспитательной работе), молодежных организаций. Анализ интервью проводился не для статистической проверки гипотез, а для выявления механизмов, связывающих индивидуальные диспозиции с групповыми эффектами.

Для подтверждения устойчивости типов деятельностного капитала использовалась эмпирическая база опроса населения старше 18 лет. Эмпирическую основу составили результаты социологического исследования «Мониторинг социальных настроений в городах присутствия компании «Северсталь»». Опрос осуществлен среди населения города Череповца Вологодской области, Оленегорска Мурманской области, Костомукши Республики Карелии, Строителя Белгородской области весной 2026 года кафедрой социологии и социальных технологий

Череповецкого государственного университета в рамках договора с АО «Северсталь Менеджмент». Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой населения города старше 18 лет – участников опроса. Объем выборки – 1800 человек.

Результаты и обсуждение

Индивидуально-личностные качества социальной активности выражены у школьников Вологодской области сильнее, чем социально ориентированные. Среди индивидуально-личностных доминируют ориентация на саморазвитие (80%) и коммуникативность (68%), тогда как готовность брать на себя ответственность выражена слабее (45%; рис. 1).

Социальная ответственность по сравнению со всеми остальными качествами сформирована слабее: 48% школьников чувствуют ответственность за происходящее в классе, 31% – в школе, 41% – в доме, дворе, 25% – в населенном пункте (рис. 2).

Склонность к объединению для решения социальных проблем представлена достаточно сильно. Школьники наиболее склонны объединяться для участия в благотворительной деятельности (70%), чтобы помогать бедным и инвалидам (69%), меньше, чтобы обустроить территорию проживания (61%; рис. 3).

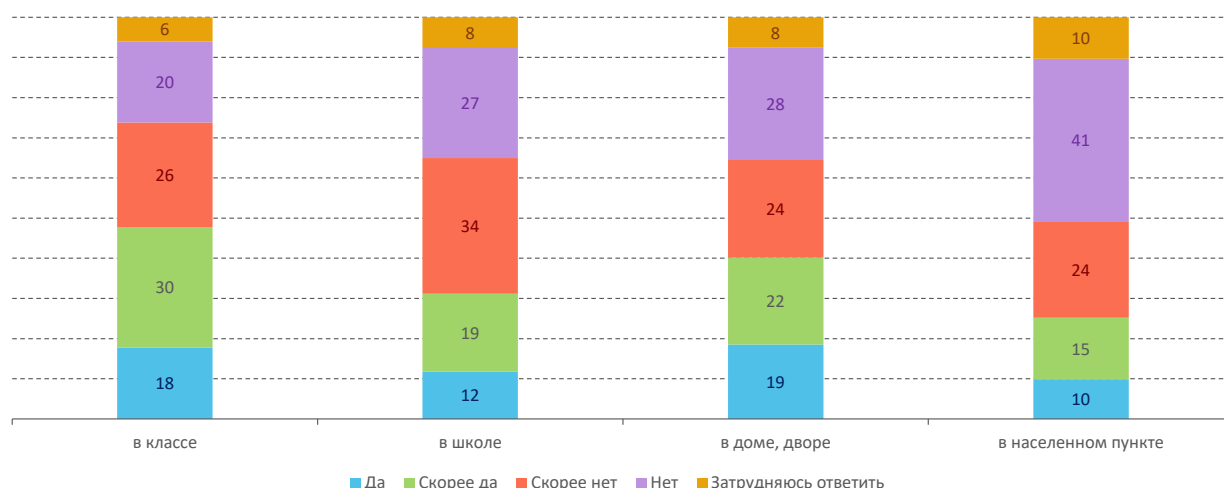

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Чувствуете ли Вы ответственность за происходящее ...?», %

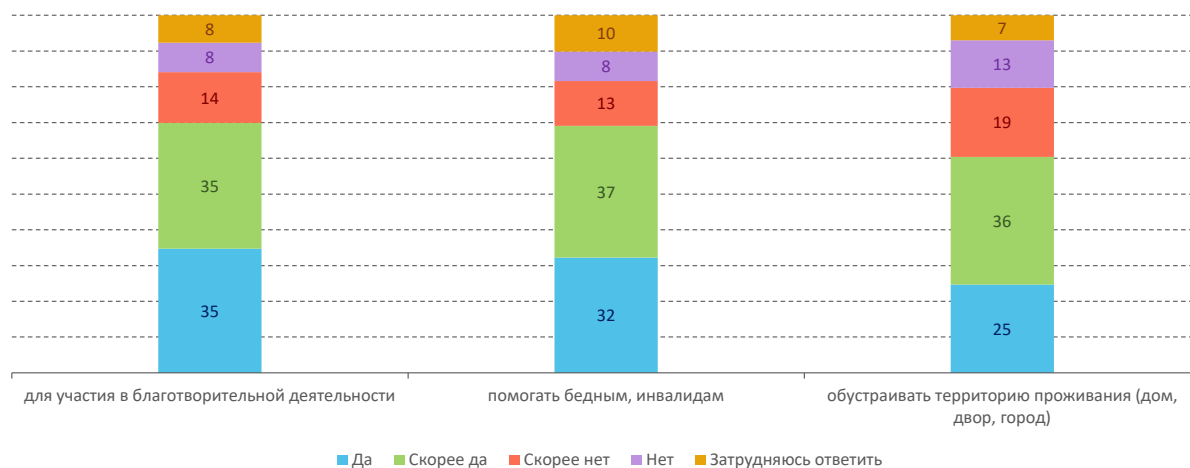

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы...?», %

Половина школьников вовлечены в деятельность общественных организаций: 13% входят в организации школьного самоуправления, 13% состоят в Движении Первых, 11% – в Российском движении школьников, Юнармии и других военно-патриотических организациях. Практики неформального участия развиты существенно шире: 36% учащихся принимали участие в общественных работах по благоустройству территории в городе, поселке, дворе, 28% – в общественных работах в школе, 20% участвовали в благотворительных акциях, 18% были задействованы в волонтерской деятельности (рис. 4).

Популярны среди учащихся практики помогающего поведения, только 12% не были в них задействованы (рис. 5). Наиболее распространены помощь советом, моральная

поддержка (66%), помощь в домашних (61%) и учебных делах (54%), присмотр за чужими детьми (31%), помощь деньгами (30%) и продуктами (30%).

На основании аддитивной индикаторной модели было выявлено, что 7% школьников являются обладателями очень высокого уровня деятельностного капитала, 24% – высокого, 39% – среднего, 23% имеют низкий уровень деятельностного капитала, 7% – очень низкий уровень. В целом активность и склонность к активности у школьников Вологодской области сформированы на достаточно высоком уровне, что можно объяснить широким арсеналом практик вовлечения молодежи в общественные организации, волонтерскую деятельность, деятельность по благоустройству территории.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «В каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?», %

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного Вам приходилось безвозмездно делать для других людей за последний год?», %

При помощи кластерного анализа было выявлено, что взаимосвязь структурных элементов в деятельностном капитале достаточно сложная по своей структуре. Для выбора числа кластеров тестировались решения с количеством 3, 4, 5 и 6. Оптимальным выбором стал результат пяти кластеров, при котором достигнуто максимальное значение силуэт-коэффици-

ента (0,3, что соответствует слабой, но приемлемой структуре) и интерпретируемости полученных кластеров с содержательной точки зрения. Учащиеся, вошедшие в первый кластер (23%), демонстрируют высокий уровень развитости как индивидуально, так и социально ориентированных качеств и высокий уровень участия в практиках, направленных на общественно значимый

Таблица 1. Конечные центры кластеров по результатам кластерного анализа методом k-средних среди школьников Вологодской области

Индикатор	1	2	3	4	5
Для меня характерно выдвигать большое количество идей	4,15	3,92	3,37	3,11	2,8
Мне нравится процесс творческой деятельности	4,21	4,34	2,94	3,92	3,24
Главное в жизни – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни	4,37	4,3	3,77	3,91	3,6
Я предпочитаю быть лидером, проявлять инициативу, чем быть исполнителем	4,09	4,05	3,38	2,26	2,49
Я постоянно стараюсь повышать свое образование, развиваться	4,51	4,4	3,79	3,75	3,49
Я стараюсь иметь широкий круг общения в повседневной жизни, в школе	4,42	4,19	3,81	3,24	2,7
Мне очень часто приходится брать на себя ответственность за решение сложных проблем и дел в школе, в моем окружении	4,0	3,52	3,0	2,3	2,19
Мне нравится приносить пользу людям	4,6	4,24	3,62	4,09	3,16
Ответственность за происходящее в классе	4,29	2,92	3,28	2,61	1,71
Ответственность за происходящее в школе	3,9	2,19	3,07	2,08	1,41
Ответственность за происходящее в доме, дворе	4,04	1,94	3,76	2,6	1,67
Ответственность за происходящее в населенном пункте	3,62	1,66	3,18	1,79	1,3
Готовность объединяться для участия в благотворительной деятельности	4,65	3,94	2,98	4,27	2,51
Готовность обустривать территорию проживания	4,37	3,07	3,07	4,12	2,11
Готовность объединяться для помощи бедным, инвалидам, другим социально незащищенным слоям населения	4,5	3,94	3,03	4,19	2,65
Членство в общественных организациях	2,05	1,7	1,63	1,59	1,35
Уровень вовлеченности в неформальные практики	2,23	2,08	1,8	1,88	1,46
Уровень вовлеченности в практики помогающего поведения	2,27	2,23	1,94	1,96	1,73
Важность мотива «самовыражение, самореализация»	0,47	0,44	0,26	0,33	0,21
Важность мотива «возможности для продвижения своих идей»	0,38	0,27	0,31	0,2	0,12
Важность мотива «возможность приобрести опыт общественной работы и социального взаимодействия»	0,33	0,35	0,14	0,28	0,13
Важность мотива «приобретение полезных практических навыков, знаний»	0,29	0,35	0,21	0,35	0,14
Важность мотива «возможность общения, дружеского взаимодействия»	0,28	0,35	0,2	0,31	0,2
Важность мотива «хочу способствовать изменениям к лучшему в обществе»	0,4	0,29	0,14	0,27	0,1
Важность мотива «возможность помочь людям»	0,25	0,21	0,11	0,22	0,08
Доля в массиве	23	22	15	20	20

результат (табл. 1). Данный тип мы обозначили как сбалансированный тип деятельностного капитала. У школьников в целом и у данного кластера в частности более ярко проявляются мотивы самовыражения, продвижения своих идей, но при этом явно выражены социальные и идеалистические мотивы. Представители пятого кластера (20%) противоположны по своим характеристикам первому кластеру: у них очень низкий уровень участия при среднем или низком уровне качеств активности. Данный тип обозначен как инертный. Данные два типа

доказывают прямую взаимообусловленность участия и всех качеств, входящих в аддитивную модель.

Второй тип (22%) при высоком уровне участия имеет высокий уровень развитости индивидуально-личностных качеств, но низкий уровень социальной ответственности. Ядро ценностей участия – ориентация на себя. Это индивидуально ориентированный тип деятельностного капитала. У его представителей ярко выражена мотивация личностного саморазвития и выгоды, даже выше, чем у сбалансированного типа, на

первом месте находится самовыражение, самореализация, на втором месте – приобретение практических навыков, знаний и возможность приобрести опыт общественной работы. Выражена и идеалистическая мотивация, но слабее, чем у сбалансированного типа.

Третий и четвертый кластер мы обозначили как социально ориентированный тип. Но они имеют отличия в формировании. У третьего кластера (15%) ядром социально ориентированных качеств выступает социальная ответственность, она ярко выражена у данной группы респондентов при посредственных показателях солидарности. У четвертого кластера (20%) ценностное ядро социально ориентированных качеств сосредоточено в социальной солидарности, готовности объединяться при низких показателях социальной ответственности. У обоих социально ориентированных типов меньше, чем у сбалансированного и индивидуально ориентированного, выражена инструментально-прагматическая мотивация. Но у второго типа более выражены коммуникационные мотивы – возможность общения, дружеского взаимодействия.

Второй, третий и четвертый типы доказывают разную природу формирования деятельностного капитала, а соответственно, подтверждают важность формирования разных механизмов вовлечения молодежи в общественно значимые для общества практики и разные алгоритмы работы с молодежью в условиях ее неоднородности.

Верификация на взрослой выборке (N = 1800) подтверждает устойчивость предложенной типологии. По результатам кластерного анализа массива населения в городах Череповец (Вологодская область), Костомукша (Республика Карелия), Оленегорск (Мурманская область) и Строитель (Белгородская область) было выделено четыре базовых кластера (табл. 2). Респонденты, вошедшие в первый кластер (23%), являются представителями сбалансированного типа. Для них важны как идеалистические мотивы (улучшить жизнь, помочь людям), так и

долг перед обществом. Участие доставляет им удовольствие, но также является фактором самореализации и самовыражения, альтруистические мотивы развиты сильнее всего. Они вовлечены во все практики, готовы взаимодействовать с властями для решения проблем. Инертные – четвертый кластер (22%). Респонденты второго кластера (27%) представляют собой индивидуально ориентированный тип деятельностного капитала, им важно помогать людям, но они максимально заинтересованы в полезных знакомствах, самовыражении, самореализации, возможностях дружеского взаимодействия, то есть превалируют инструментально-прагматические мотивы. Четвертый кластер (28%) – социально ориентированный тип деятельностного капитала.

Следуя логике П. Бурдье, капитал – это ресурс, который дифференцирует позиции агентов в социальном пространстве. Наши данные подтверждают, что деятельностный капитал выполняет именно эту функцию. Обладатели высокого уровня деятельностного капитала среди школьников демонстрируют значительно более высокие академические достижения: доля отличников среди них составляет 19% (против 5% среди обладателей очень низкого уровня), а доля неуспевающих только 6% (против 29%; рис. 6). Кроме того, они значительно чаще планируют продолжить образование в вузах (57% против 38%) и реже в учреждениях СПО (15% против 29%). Таким образом, деятельностный капитал соответствует ключевому критерию капитала – он приносит «добавочную стоимость» в виде конкурентных преимуществ в образовательной сфере, дифференцируя позиции индивидов в социальном пространстве.

Ключевым результатом исследования является выделение устойчивой реципрокной связи между деятельностным капиталом и территориальной идентичностью. Если деятельностный капитал действительно представляет собой самостоятельную форму капитала, то должен производить добавочную стоимость, выходящую за пределы индиви-

Таблица 2. Конечные центры кластеров по результатам кластерного анализа методом k-средних среди взрослого населения

Индикатор	3	1	4	2
Для меня характерно выдвигать большое количество идей	4,19	3,88	2,31	2,08
Для меня характерно проявлять инициативу	4,34	3,99	2,38	2,1
Я предпочитаю быть лидером, чем быть исполнителем	4,0	3,54	2,07	1,9
Я постоянно стараюсь повышать свое образование, развиваться	4,22	3,99	3,1	2,52
Я стараюсь иметь широкий круг общения	4,33	4,01	3,24	2,66
Мне очень часто приходится брать на себя ответственность за решение сложных проблем	4,31	3,76	3,33	2,47
Ради общезначимых целей я готов пожертвовать частично своими деньгами, временем, силами	3,79	3,04	3,0	2,17
У меня готовность помочь другому выражена сильнее, чем у большинства людей	3,85	3,15	3,01	2,27
Ответственность за дела в трудовом коллективе, на работе	4,7	4,08	4,29	3,41
Ответственность за дела в доме, дворе	4,55	3,13	4,08	2,67
Ответственность за дела в городе	4,37	2,17	3,48	2,19
Ответственность за дела в области, регионе	3,9	1,89	2,82	1,87
Готовность объединяться для взаимодействия с органами власти для решения общих для населенного пункта проблем и задач развития	4,28	3,53	3,65	2,46
Готовность объединяться для участия в благотворительной деятельности	4,42	3,58	3,99	2,69
Готовность объединяться для благоустройства дома, двора, города	4,45	3,83	4,17	2,95
Готовность объединяться для помощи бедным, инвалидам, другим социально незащищенным слоям населения	4,38	3,62	3,94	2,83
Членство в общественных организациях	2,02	1,6	1,54	1,26
Уровень вовлеченности в неформальные практики	2,04	1,75	1,78	1,4
Уровень вовлеченности в практики помогающего поведения	2,08	2,05	1,91	1,66
Возможности для продвижения своих идей	0,16	0,08	0,05	0,02
Самовыражение, самореализация	0,18	0,18	0,09	0,05
Возможность приобрести опыт общественной работы и социального взаимодействия	0,16	0,1	0,07	0,04
Приобретение полезных практических навыков, знаний	0,16	0,12	0,1	0,04
Возможность выразить свою гражданскую позицию	0,22	0,13	0,18	0,07
Выполнение своего общественного долга	0,23	0,1	0,17	0,05
Возможность общения, дружеского взаимодействия	0,22	0,19	0,15	0,08
Мне это нравится, получаю удовольствие от этой деятельности	0,26	0,13	0,1	0,08
Возможность улучшить жизнь в месте, где я живу	0,31	0,23	0,27	0,12
Возможность помочь людям	0,31	0,25	0,28	0,12
Доля в массиве	23	27	28	22

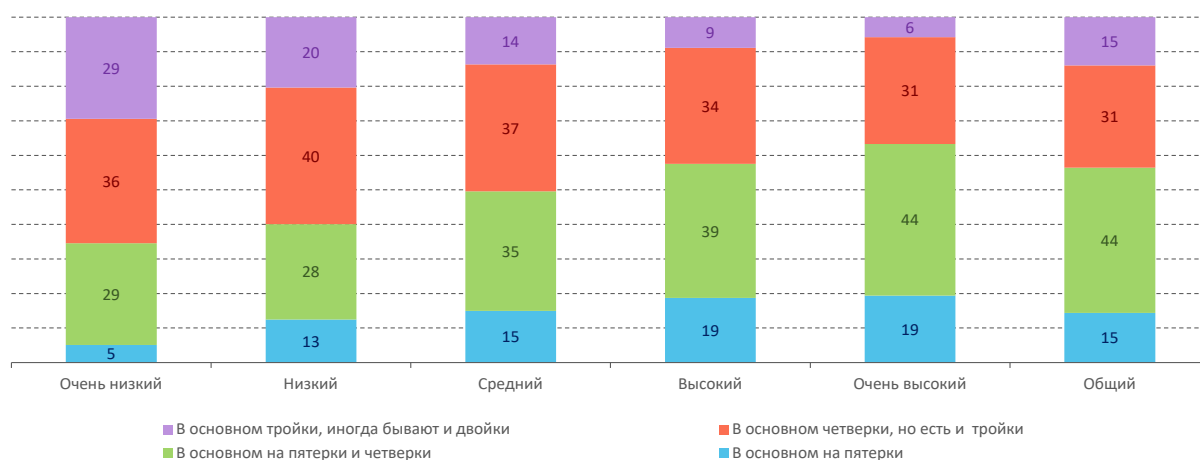

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы учитесь?» в зависимости от уровня деятельностного капитала, %

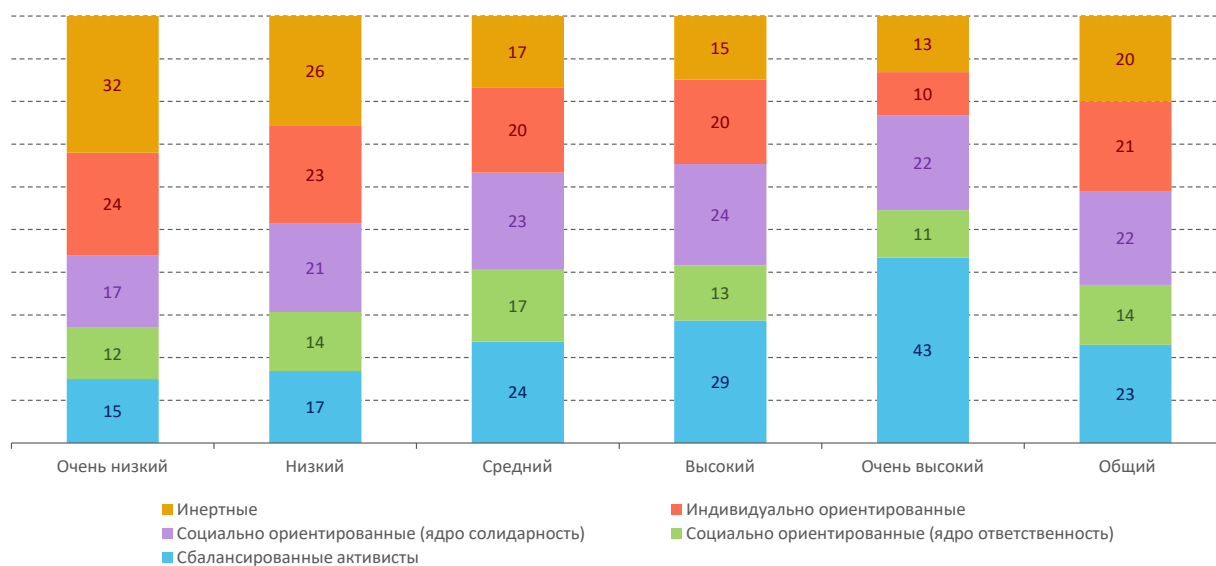

Рис. 7. Доля представителей разных типов деятельностного капитала в зависимости от уровня территориальной идентичности, %

да. В качестве операционального индикатора такого эффекта мы рассматриваем территориальную идентичность. Накопленный деятельностный капитал приносит выгоду его непосредственным носителям, но, будучи «вложенным» в локальные практики, укрепляет социальные связи и эмоциональную привязанность к месту. Именно в этом проявляется «общественный эффект», отличающий деятельностный капитал от психологического потенциала как такового.

Анализ показывает, что связь между деятельностным капиталом и территориальной идентичностью носит двусторонний характер. С одной стороны, те, кто эмоционально привязан к месту проживания, чаще включаются в практики по его благоустройству и развитию, с другой стороны, в процессе участия формируется привязанность к территории (Воробьева, 2023b). Эмпирически сказанное подтверждается тем, что школьники с высокой территориальной идентичностью в два раза чаще становятся обладателями высокого и очень высокого уровня деятельностного капитала (37% с высоким и 46% с очень высоким), тогда как среди учащихся с низким уровнем показатель составляет лишь 21%. Таким образом, привязанность к месту проживания выступает ключевым драйвером социального участия: те, кто

любит свой город, готов рекомендовать его другим и остаться в нем жить, с большей вероятностью вкладывает свои ресурсы в его развитие.

Наиболее наглядно эта закономерность проявляется при сопоставлении типов деятельностного капитала и уровня территориальной идентичности (рис. 7). Высокий уровень территориальной идентичности становится базой для формирования сбалансированного типа деятельностного капитала. Среди учащихся с очень низким уровнем территориальной идентичности доля представителей сбалансированного типа составляет только 15%, тогда как при очень высоком уровне она возрастает до 43%. Обратная зависимость характерна для инертного типа: среди школьников с очень низким уровнем идентичности инертных 32%, тогда как среди обладателей очень высокого уровня – только 13%. Доля индивидуально ориентированного типа снижается с 23–24% при низком уровне идентичности до 10% при высоком. При этом высокий уровень идентичности способствует росту социально ориентированного типа (с ядром солидарности): 22–24% против 17% при низком уровне.

Особого внимания заслуживает то, что выявленная связь носит не однона-

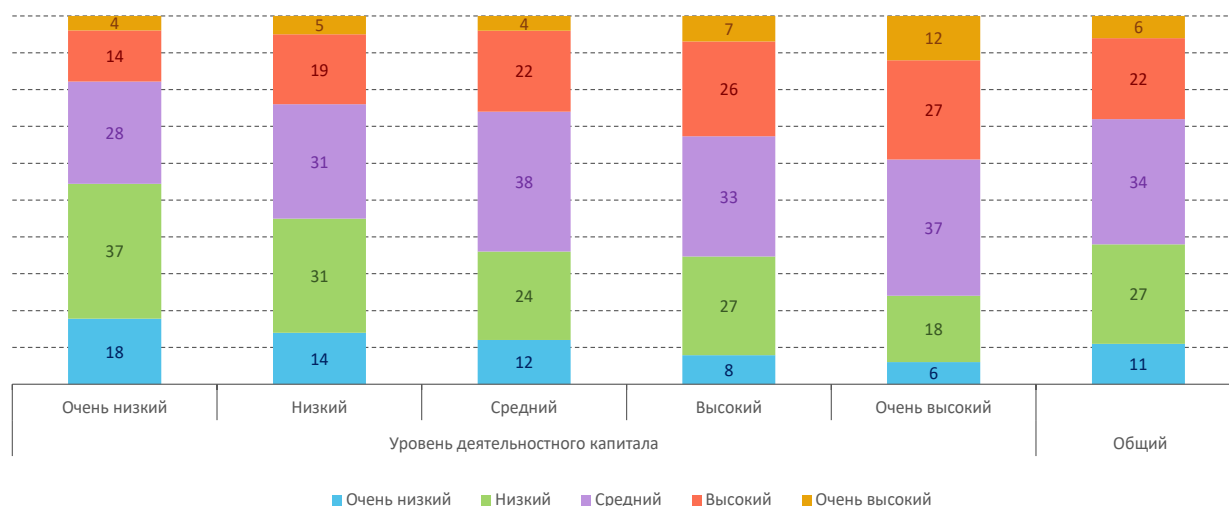

Рис. 8. Доля представителей разных уровней территориальной идентичности в зависимости от уровня деятельностного капитала, %

правленный, а реципрокный характер. Деятельностный капитал не только формируется под влиянием идентичности, но и сам способствует ее укреплению. Среди представителей очень высокого уровня деятельностного капитала 39% имеют высокий и очень высокий уровень территориальной идентичности (при 18% среди обладателей очень низкого уровня). Обратная зависимость: доля респондентов с низким и очень низким уровнем идентичности составляет 55% в группе с очень низким

деятельностным капиталом против 24% в группе с очень высоким (рис. 8).

Аналогичная закономерность прослеживается и при анализе типов деятельностного капитала (рис. 9). Среди представителей сбалансированного типа 38% имеют высокий и очень высокий уровень территориальной идентичности, тогда как среди инертных – только 20%, а среди индивидуально ориентированных – 25%.

Анализ интервью с волонтерами и восьми интервью с работниками образователь-

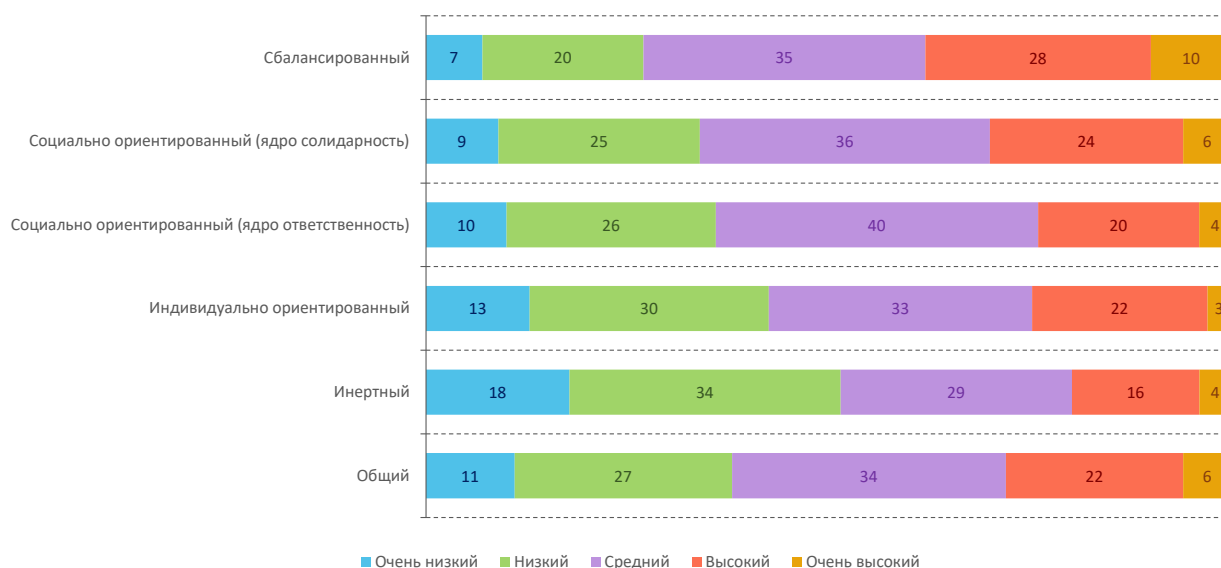

Рис. 9. Доля представителей разного уровня территориальной идентичности в зависимости от типа деятельностного капитала, %

ных организаций и представителями молодежных организаций раскрывает механизмы конвертации деятельностного капитала и позволяет конкретизировать его эффекты для общества.

В процессе участия деятельностный капитал конвертируется в человеческий и социальный капитал, что дает эффекты больше для самого держателя капитала. Вовлекаясь в практики участия, молодежь получает профессиональные компетенции и надпрофессиональные навыки (лидерские качества, развивается коммуникабельность, организаторские способности, формируется способность работать в нестандартных ситуациях):

«Мое основное направление в волонтерстве – это экология. Она тесно связана с моим профессиональным направлением, поэтому это помогает как опыт и знакомства» (Ж, 18 лет, студент).

«Основные навыки, которые дает волонтерская деятельность – коммуникация, стрессоустойчивость, организаторские навыки» (Ж, 21 год, студент).

В процессе участия разрастаются сети контактов, формируются новые дружеские отношения, деятельностный капитал конвертируется в социальный капитал:

«У меня появилось огромное количество знакомых» (Ж, 18 лет, студент).

«Мы поддерживаем друг друга, с некоторыми даже общение внутри волонтерской организации переходит в крепкую дружбу» (Ж, 18 лет, студент.).

Информанты указывают, что наличие устойчивого костяка активистов трансформирует пространство школы. Активисты выступают соавторами школьного уклада: они иницируют традиции, берут на себя ответственность за порядок и транслируют нормы солидарности пассивным одноклассникам. Тем самым деятельностный капитал конвертируется в коллективный нематериальный актив школы, ее репутацию, внутреннюю сплоченность, что является ресурсом всей организации.

«Если мы ничего не делаем, школа превращается в серую массу, которая ползет на

диван. А активисты создают пространство, в котором интересно жить. Это не просто мероприятия – это традиции, лицо школы» (Светлана Владимировна, заместитель директора школы по воспитательной работе).

«Активисты в меньшей степени нарушают правила поведения в школе, потому что они в целом создают это пространство и чувствуют большую ответственность» (Даниил Александрович, заместитель директора школы по воспитательной работе).

Один из информантов описывает механизм самовозрастания деятельностного капитала как «индукцию», что иллюстрирует свойство накапливаемости.

«Если из 100% активных только 10, они за собой поведут еще 10, те – еще 5. Здесь вот, наверное, такой момент индукции... я начинаю двигаться, задеваю другого, тот тоже начинает двигаться, он задевает третьего. Мы начинаем двигаться втроем» (Юлия Владиславовна, работала педагогом-организатором по детским общественным организациям, педагог-психолог).

Интервью с экспертами раскрывают механизм, лежащий в основе выявленной количественной закономерности, связывающий деятельностный капитал с территориальной идентичностью. Практики участия создают «эффект привязки», работающий на уровне локального сообщества. Вопреки распространенному мнению, что активная молодежь стремится в столицы, наши информанты отмечают обратную тенденцию: сформированные в школе сети солидарности, чувство сопричастности к школьным и городским проектам создают эмоциональный и социальный барьер для оттока. Это подтверждает, что деятельностный капитал выполняет функцию инструмента удержания человеческого капитала на территории, что является прямым общественно значимым эффектом.

«Ты в студенчестве базу наработал здесь, единомышленников нашел, вклад внес. Тебе не хочется душевно это бросать и менять на другое. Поэтому локальный патриотизм формируется» (Андрей Алексеевич, председатель молодежного парламента).

«Патриотизм малой родины начинается с семьи... если не было воспитания с зародыша, школа не сделает. Но активность – это единственный инструмент, который может „перебить“ настрой родителей „уезжай в Питер“» (Виктория Викторовна, заместитель директора по воспитательной работе).

Полученные данные подтверждают, что деятельностный капитал является не только ресурсом самой личности, но и ресурсом общества. Индивидуальный уровень характеристик (инициативность, активность, ответственность) получает реальное воплощение в эффектах для общества – возрастании территориальной идентичности и формировании символического капитала территории. Тем самым теоретико-методологический концепт деятельностного капитала обретает статус теории среднего уровня, связывающей индивидуальные качества личности с общественно значимыми результатами.

Заключение

В работе приводится теоретическое обоснование категории «деятельностный капитал» как одного из видов нематериального капитала наряду с человеческим, символическим и социальным капиталом. Теоретическая рамка интегрирует деятельностный и ресурсный подходы, дополняя их механизмами идентичности как структурирующего звена. Проведено разграничение деятельностного капитала с социальным капиталом: если социальный капитал фиксирует структурные характеристики связей и доверия, то деятельностный – реальные поведенческие практики и их личностные основания, направленные на преобразование среды и приносящие добавочную стоимость обществу.

Теоретически обоснована структура деятельностного капитала, включающая индивидуально-личностные и социально ориентированные качества активности, включенность в формальные общественные организации, практики неформального участия и помогающее поведение.

В работе представлена аддитивная модель измерения уровня деятельностно-

го капитала и результаты ее адаптации на примере школьников Вологодской области. Выявлена неоднородная структура капитала – высокий уровень индивидуально ориентированных качеств активности, средний уровень социальной солидарности при достаточно низком уровне социальной ответственности. Участие школьников, несмотря на ограниченность его форм в силу возраста, достаточно разнообразно. Наименее развита вовлеченность в деятельность общественных организаций при широком арсенале практик неформального участия (волонтерская деятельность, благотворительность, участие в благоустройстве) и помогающего поведения. Неравномерность форм участия можно объяснить сложившейся системой социальной идентичности молодежи и населения в целом: она гибкая, множественная, изменчивая. Неформальное участие, в отличие от формального, не требует устойчивой привязанности, высокого уровня ответственности, менее политизировано, обладает ситуативностью и не предполагает постоянной включенности, что обуславливает его более широкую распространенность. Относительно высокий уровень практик участия учащихся объясняется, в том числе, развитой молодежной политикой, направленной на вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность, проекты патриотической направленности, соучаствующее управление и другие формы активности.

На основе кластерного анализа двух независимых выборок (школьников и взрослого населения) выделены четыре устойчивых типа деятельностного капитала. Сбалансированный тип отличается высокими индивидуально-личностными и социально ориентированными качествами, комбинированной мотивацией и высокой территориальной идентичностью. Социально ориентированный тип характеризуется высокими социально ориентированными качествами при посредственных индивидуально-личностных, идеалистической мотивацией и сильной привязанностью к территории. Индивидуально ориентированный тип имеет высокий уровень индивидуально-

личностных качеств, но низкий уровень социально ориентированных при превалирующей мотивации личностного развития и низкий уровень территориальной идентичности. Инертный тип демонстрирует минимальные показатели. Верификация на взрослой выборке подтверждает устойчивость типологии.

Данные типологические группы позволяют объяснить механизмы формирования активности молодежи и установить причинно-следственные связи с другими практически значимыми и эмпирически измеримыми социальными феноменами, такими как территориальная и гражданская идентичность. Идентичность выступает драйвером участия, а участие укрепляет идентичность. Выявленная взаимосвязь между типом деятельностного капитала и территориальной идентичностью позволяет утверждать, что данный нематериальный актив работает не только на индивидуальную конкурентоспособность (как в классической теории человеческого капитала), но и на социальную сплоченность локального сообщества. Школьники с высоким уровнем социально ориентированных качеств демонстрируют привязанность к территории, сопоставимую с высокоресурсными группами, что доказывает, что деятельностный капитал генерирует

общественное благо, укрепляя локальную идентичность. Учащиеся с исключительно индивидуально ориентированными качествами имеют самый низкий уровень территориальной идентичности среди всех типологических групп наравне с инертными школьниками.

Проведенное исследование подтверждает, что деятельностный капитал представляет собой не просто сумму личных качеств, а ресурс, работающий на общественный результат. Доказано, что его типология воспроизводится как в школьной, так и во взрослой выборках, а ключевым дифференцирующим эффектом выступает не столько уровень активности, сколько его направленность: индивидуально ориентированный капитал не гарантирует привязанности к территории, тогда как социально ориентированные типы, даже при скромных индивидуальных показателях, формируют устойчивую территориальную идентичность. Это подтверждает, что деятельностный капитал генерирует общественное благо, которое не сводится к сумме индивидуальных выгод. Тем самым эмпирически верифицирована природа деятельностного капитала как теории среднего уровня, связывающей микропозиции с макроэффектами через мезоструктуры (школа, городское сообщество).

ЛИТЕРАТУРА

- Азарова Е.С., Яницкий М.С. (2008). Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. № 306. С. 120–125.
- Бродковская Е.В. (2024). Солидарность, ценностный консенсус, консолидация: интерпретация понятий и анализ тенденций в контексте национальных задач РФ // Власть. Т. 32. № 4. С. 92–100.
- Бронзино Л.Ю., Осипова Е.Д. (2014). Социальная ответственность: трансформация исследовательских подходов в контексте «Общества риска» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 4. С. 76–86.
- Бурдые П. (2004). Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / науч. ред. и сост. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. Москва: РОССПЭН. 537 с.
- Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е. (2021). Гражданское участие российских школьников // Научный результат. Социология и управление. Т. 7. № 3. С. 55–69.
- Виттенберг Е.Я. (2017). Социальная ответственность гражданского общества: дискуссионные вопросы теории (Часть 1) // Социологическая наука и социальная практика. № 2 (8). С. 63–76.
- Волков Ю.Г. (2010). Креативный класс: поиск социологического концепта // Россия реформирующаяся. № 9. С. 43–60.
- Воробьева И.Н. (2023а). Специфика мотивации разных форм социального участия населения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 13. № 3. С. 203–219.

- Воробьева И.Н. (2023b). Территориальная идентичность населения как фактор и следствие социального участия // Социологическая наука и социальная практика. Т. 11. № 1. С. 70–85. DOI: 10.19181/snsr.2023.11.1.4
- Воробьева И.Н., Мехова А.А. (2022). Агенты социальных изменений: критерии идентификации и построение индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 189–208. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.12
- Гидденс Э. (2005). Устроение общества: очерк теории структуризации. Москва: Академический проект. 528 с.
- Гофман А.Б. (2013). Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник: сб. науч. тр. Москва: ИНИОН РАН. С. 97–167.
- Дробижева Л.М. (2017). Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 8–9.
- Дьякова В.В. (2021). Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. № 12. С. 30–34.
- Заславская Т.И. (2004). Современное российское общество: социальный механизм трансформации. Москва: Дело. 400 с.
- Заславская Т.И. (2005). Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–16.
- Зерчанинова Т.Е., Мудрецова Н.П., Никитина А.С. (2021). Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении // Власть и управление на Востоке России. № 1 (94). С. 119–127.
- Иванов О.И. (2014). Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // Социологические исследования. № 6 (362). С. 89–95.
- Кармадонов О.А. (2015). Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.
- Кисиленко А.В. (2018). Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 1. С. 63–71.
- Лебедева Л.Г. (2019). Социальная ответственность в динамике общественного сознания поколений россиян // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. Т. 19. Вып. 3. С. 260–265.
- Леонтьев Д.А. (2023). Личностный потенциал как составляющая человеческого потенциала // Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. Москва: ВЦИОМ. С. 50–65.
- Мартынова Т.Н., Яницкий М.С., Зеленин А.А., Пфетцер С.А. (2019). Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 1. С. 160–167.
- Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. (2016). Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Новый хронограф. Вып. 14. С. 358–378.
- Одинцов А.В. (2020). Ресурс гражданского активизма локальных сообществ Волгоградской области // Социодинамика. № 4. С. 11–23. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.4.32528
- Радаев В.В. (2002). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. № 2. С. 2–32.
- Римашевская Н.М. (2001). Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 34–48.
- Скалабан И.А. (2011). Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 1 (13). С. 130–139.
- Соколова Е.С. (2008). Структурный подход к пониманию мотивации социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 18.

- Татарко А.Н. (2014). Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». 384 с.
- Тишков В.А. (2013). Российский народ: история и смысл национального самосознания. Москва: Наука.
- Тихонова Н.Е. (2006). Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. Т. 7. № 3. С. 11–26.
- Филоненко В.И., Мосиенко О.С., Магранов А.С. (2019). Роль школы в формировании гражданской активности студенческой молодежи Дона // Власть. Т. 27. № 1. С. 96–103.
- Флорида Р. (2011). Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. Москва: АСТ. 418 с.
- Шуклина Е.А., Певная М.В. (2020). Методологические основы междисциплинарных исследований социального участия молодежи постсоветских стран в социокультурном развитии города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 5. С. 101–113.
- Ядов В.А. (2001). Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т.И. Заславской. Москва: МВШСЭН. С. 310–319.
- Якимова Е.В. (2012). Феномен альтруизма: Новые аспекты и современные аналитические тенденции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. № 2. С. 5–12.
- Anheier H.K., Salamon L.M. (2001). *Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons*. Manchester: Civil Society Working Paper.
- Bartal A., Pliskin N., Ravid G. (2019). Modeling influence on posting engagement in online social networks: Beyond neighborhood effects. *Social Networks*, 59, 61–76.
- Chanda S., Mishra R. (2019). Impact of transition in work status and social participation on cognitive performance among elderly in India. *BMC Geriatrics*, 19(1), 251.
- Coleman J. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120.
- Heckman J.J., Stixrud J., Urzua S. (2006). The effects of cognitive and non-cognitive abilities on labour market outcomes and social behavior. *Journal of Labour Economics*, 24(3), 411–482.
- Levasseur M., Naud D., Bruneau J.F., Genereux M. (2020). Environmental characteristics associated with older adults' social participation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 83–99.
- Luthans F., Luthans K.W., Luthans B.C. (2004). Positive psychological capital: Beyond human and social capital. *Business Horizons*, 47(1), 45–50.
- Newton K., Giebler H. (2008). *Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations*. Berlin: WZB, Discussion Paper.
- Park L.E., Troisi J.D., Maner J.K. (2011). Egoistic versus altruistic concerns in communal relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*, 28(3), 315–335.
- Putnam R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *The Journal of Democracy*, 6(1), 65–78.
- Vogelsang E.M. (2016). Older adult social participation and its relationship with health: Rural-urban differences. *Health & Place*, 42, 111–119.
- Wray-Lake L., Syvertsen A.K. (2011). The developmental roots of social responsibility in childhood and adolescence. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 134, 11–25. DOI: 10.1002/cd.308

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Николаевна Воробьева – кандидат социологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, Советский пр-т, д. 8; e-mail: invorobeva@chsu.ru)

Vorobeva I.N.

ACTIVITY CAPITAL OF YOUTH: CONCEPTUALIZATION AND TYPOLOGY

The national development goals of the Russian Federation set the task of realizing the potential of every individual and fostering a patriotic and socially responsible personality. The development of social responsibility, initiative, activity, and engagement in participatory practices among the population is considered a significant intangible asset for the development of territories. The article proposes a new category – “activity capital” – an integrative construct that combines individual-personal dispositions (initiative, locus of responsibility, communicability) and socially oriented dispositions (social responsibility, solidarity, altruism), as well as practices of formal and informal participation. The theoretical foundation of the category is the resource approach (P. Bourdieu, V.V. Radaev, V.A. Yadov, T.I. Zaslavskaya, N.E. Tikhonova), supplemented by the concept of identity as a mediator between individual initiative and social effect. The empirical basis of the study consists of survey data from students in grades 9–11 in the Vologda Region, collected in October 2023. In total, 1,925 schoolchildren from Vologda, Cherepovets, and eleven small towns and district centers in the Vologda Region were surveyed. Using cluster analysis, four typological groups of activity capital were identified, differing in terms of the level of engagement and the ratio of individual-personal and socially oriented qualities. The stability of the typology was confirmed on an independent adult sample (N = 1,800). The paper presents that the activity capital performs a differentiating function, providing its holders with advantages in the educational environment, and is reciprocally linked to territorial identity. Based on qualitative interviews, the mechanisms of converting activity capital into human, social, and symbolic capital have been revealed. Territorial identity acts as a mediator, transforming individual initiative into socially significant participation.

Activity capital, intangible capital, social responsibility, social solidarity, social participation, territorial identity.

REFERENCES

- Anheier H.K., Salamon L.M. (2001). *Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons*. Manchester: Civil Society Working Paper.
- Azarova E.S., Yanitskii M.S. (2008). Psychological determinants of volunteer activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 306, 120–125 (in Russian).
- Bartal A., Pliskin N., Ravid G. (2019). Modeling influence on posting engagement in online social networks: Beyond neighborhood effects. *Social Networks*, 59, 61–76.
- Bourdieu P. (2004). Forms of capital. In: *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya. Khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology. Anthology of Modern Classics]. Moscow: ROSSPEN.
- Brodkovskaya E.V. (2024). Solidarity, value consensus, consolidation: Interpretation of concepts and analysis of trends in the context of Russia's national objectives. *Vlast'*, 32(4), 92–100 (in Russian).
- Bronzino L.YU., Osipova E.D. (2014). Social responsibility: The transformation of research approaches in the context of the “risk society”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*=*Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 4, 76–86 (in Russian).
- Chanda S., Mishra R. (2019). Impact of transition in work status and social participation on cognitive performance among elderly in India. *BMC Geriatrics*, 19(1), 251.
- Coleman J. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120.
- Drobizheva L.M. (2017). Dynamics of civic identity and its potential in positive integration processes in the Russian community. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny*=*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 8–9 (in Russian).
- D'yakova V.V. (2021). Solidarity in the context of analyzing regional identity (based on the results of a sociological study). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 12, 30–34 (in Russian).

- Filonenko V.I., Mosienko O.S., Magranov A.S. (2019). The role of the school in fostering civic engagement among student youth in the Don region. *Vlast'*, 27(1), 96–103 (in Russian).
- Florida R. (2011). *Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative Class: People Who Change the Future]. Moscow: AST.
- Giddens E. (2005). *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline on the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Gofman A.B. (2013). Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. In: *Sotsiologicheskii ezhegodnik: sb. nauch. tr.* [Sociological Yearbook: Collection of Scientific Papers]. Moscow: INION RAN. C. 97–167 (in Russian).
- Heckman J.J., Stixrud J., Urzua S. (2006). The effects of cognitive and non-cognitive abilities on labour market outcomes and social behavior. *Journal of Labour Economics*, 24(3), 411–482.
- Ivanov O.I. (2014). Human potential: Issues of theory and research methodology. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 6 (362). C. 89–95 (in Russian).
- Karmadonov O.A. (2015). Solidarity, integration, conjunction. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2, 3–12 (in Russian).
- Kisilenko A.V. (2018). Volunteering: The potential for self-organization among Russian youth. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 4(1), 63–71 (in Russian).
- Lebedeva L.G. (2019). Social responsibility in Russian generation social consciousness dynamics. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya=Izv. Saratov Univ. Ser. Sociology. Politics*, 19(3), 260–265 (in Russian).
- Leont'ev D.A. (2023). Personal potential as a component of human potential. In: *Chelovecheskii potentsial: sovremennye traktovki i rezul'taty issledovaniy* [Human Potential: Modern Interpretations and Research Findings]. Moscow: VTSIOM (in Russian).
- Levasseur M., Naud D., Bruneau J.F., Genereux M. (2020). Environmental characteristics associated with older adults' social participation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 83–99.
- Luthans F., Luthans K.W., Luthans B.C. (2004). Positive psychological capital: Beyond human and social capital. *Business Horizons*, 47(1), 45–50.
- Martynova T.N., Yanitskii M.S., Zelenin A.A., Pfettser S.A. (2019). Volunteer work as a form of social and civic engagement among student youth. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 1, 160–167 (in Russian).
- Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. (2016). Inequality in the distribution of risks: Resources and adaptation strategies. In: *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik. Vyp. 14* [Russia under Reform: Yearbook. Issue 14]. Moscow: Novyi khronograf (in Russian).
- Newton K., Giebler H. (2008). *Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations*. Berlin: WZB, Discussion Paper.
- Odintsov A.V. (2020). A resource for civic activism in local communities of the Volgograd region. *Sotsiodinamika*, 4, 11–23. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.4.32528 (in Russian).
- Park L.E., Troisi J.D., Maner J.K. (2011). Egoistic versus altruistic concerns in communal relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*, 28(3), 315–335.
- Putnam R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *The Journal of Democracy*, 6(1), 65–78.
- Radaev V.V. (2002). The concept of capital, forms of capital, and their conversion. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2, 2–32 (in Russian).
- Rimashevskaya N.M. (2001). The qualitative potential of Russia's population: A look into the 21st century. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 3, 34–48 (in Russian).
- Shuklina E.A., Pevnaya M.V. (2020). Methodological foundations of interdisciplinary research on the social participation of young people in post-Soviet countries in the sociocultural development of the city. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5, 101–113 (in Russian).
- Skalaban I.A. (2011). Social, public, and civic engagement: On the problem of conceptualizing the concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 1(13), 130–139 (in Russian).
- Sokolova E.S. (2008). A structural approach to understanding the motivation behind the social activity of young people. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 18 (in Russian).

- Tatarko A.N. (2014). *Sotsial'no-psikhologicheskii kapital lichnosti v polikul'turnom obshchestve* [The Socio-Psychological Capital of an Individual in Multicultural Society]. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".
- Tikhonova N.E. (2006). The resource approach as a new theoretical paradigm in stratification research. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 7(3), 11–26 (in Russian).
- Tishkov V.A. (2013). *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian People: History and the Meaning of National Identity]. Moscow: Nauka.
- Vasil'eva E.I., Zerchaninova T.E. (2021). Civic engagement of Russian schoolchildren. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie=Research Results. Sociology and Management*, 7(3), 55–69 (in Russian).
- Vittenberg E.YA. (2017). Social responsibility of civil society: Debatable theoretical issues (Part 1). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2(8), 63–76 (in Russian).
- Vogelsang E.M. (2016). Older adult social participation and its relationship with health: Rural-urban differences. *Health & Place*, 42, 111–119.
- Volkov YU.G. (2010). The creative class: Searching for a sociological concept. *Rossiya reformiruyushchayasya*, 9, 43–60 (in Russian).
- Vorobeva I.N. (2023b). Territorial identity of the population as a factor and consequence of social participation. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 11(1), 70–85. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.4 (in Russian).
- Vorobeva I.N. (2023a). The specificity of motivation of the main forms of social participation of the population. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment=Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 13(3), 203–219 (in Russian).
- Vorobeva I.N., Mekhova A.A. (2022). Agents of social change: Determining identification criteria and designing an indicator model. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 189–208. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.12 (in Russian).
- Wray-Lake L., Syvertsen A.K. (2011). The developmental roots of social responsibility in childhood and adolescence. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 134, 11–25. DOI: 10.1002/cd.308
- Yadov V.A. (2001). The social resource of individuals and groups as their capital: The possibility of applying a universal methodology for studying real stratification in Russian society. In: *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu?* [Who is Seeking to Lead Russia, and Where Are They Trying to Take It?]. Moscow: MBIIСЭН. С. 310–319 (in Russian).
- Yakimova E.V. (2012). The phenomenon of altruism: New aspects and modern analytical trends. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11. Sotsiologiya: RZH*, 2, 5–12 (in Russian).
- Zaslavskaya T.I. (2004). *Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: sotsial'nyi mekhanizm transformatsii* [Modern Russian Society: The Social Mechanism of Transformation]. Moscow: Delo.
- Zaslavskaya T.I. (2005). Human potential in the modern transformation process. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 3, 5–16 (in Russian).
- Zerchaninova T.E., Mudretsova N.P., Nikitina A.S. (2021). Public organizations as actors in the civic participation of young people in local self-government. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 1(94), 119–127 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Vorobeva – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Cherepovets State University (8, Sovetsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: invorobeva@chsu.ru)